

К. Ю. Андерс

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

christinaanders@yandex.ru

О СТИЛЕ ПЕРЕВОДА ВЕТХОЗАВЕТНЫХ КНИГ М. ФОТИНСКОГО

Рассматривается рукописный памятник «Опыт перевода точнаго ветхосвященных книг из подлиннаго еврейского на российский, по еврейскому переводу как они самы переводяты, съ приложениемъ некоторыхъ ихъ изъяснений учиненъ наместникомъ іереемъ Михаиломъ Фотинскимъ 1806 года» (НИОР РГБ, ф. 173/II, № 12). Представленный перевод является самым ранним переводом библейских книг на русский язык. Дается характеристика основных стилистических особенностей перевода Ветхого Завета, выполненного Михаилом Фотинским. Описывается выбранная переводчиком стилистическая концепция, в частности способы приближения библейского текста к пониманию читателя. Также анализируются особенности переводческого идиолекта, такие как архаизирующие, просторечные и украинские элементы.

Ключевые слова: стилистика, идиолект, перевод, Библия, украинизмы, древнееврейский язык, церковнославянский язык, история русского литературного языка.

Перевод книг Ветхого Завета (Быт 1–2, Пс, Песн, Ион, Мал) иерея Михаила Фотинского, рукопись которого (РГБ. Ф. 173/II. Ед. хр. 12) датирована 1806 г., представляет собой оригинальный памятник, который характеризуется своеобразными лингвистическими решениями. В исследованиях по истории библейских переводов на русский язык обычно указывают на работы протоиерея Герасима Павского как на первый опыт перевода книг Ветхого Завета с древнееврейского оригинала [Чистович, 1899. С. 323; Алексеев, 2002. С. 153; ЭСБЕ]. Однако исследуемый нами перевод ветхозаветных книг иерея Михаила Фотинского опережает самые ранние переводы Г. Павского более чем на 15 лет. Памятник не был ранее описан, изучен и издан, поэтому остается недоступным для научного сообщества. В данной статье рассматриваются основные стилистические особенности языка перевода.

В заглавии перевода сам автор определяет язык перевода как *язык российский*, что является одним из наименований русского языка конца XVIII в.

В традиции Русской православной церкви при богослужении используются церковнославянский язык и Священное Писание, переведенное на церковнославянский, причем данный перевод хотя и претерпел, безусловно, различные редакции и правки, берет свое начало еще от первых славянских книжников, Солунских братьев, – Кирилла и Мефодия и их учеников [Верещагин, 1997. С. 12].

Со второй половины XVIII в. русский литературный язык характеризуется полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и дифференциацией стилистических средств, что позволяет определять его как язык нового типа [Живов, 1996. С. 14]. Такой язык может обслуживать разные сферы и передавать любые смыслы.

Таким образом, сам факт осуществления М. Фотинским перевода Священного Писания на *российский язык* демонстрирует, что русский литературный язык XVIII в., пусть и с обилием церковнославянизмов, мог успешно использоваться для передачи сакральных смыслов.

Основным назначением перевода, как указывает сам переводчик в заглавии рукописи, было рассмотрение, изучение и толкование оригинального еврейского текста: *с подлиннаго еврейскаго на российский, какъ они самы переводятъ с приложениемъ некоторых ихъ изъяснений* [НИОР РГБ, Ф. 173/II. № 12. Л. 2]. Ключевую позицию при этом занимает требование ясности: перевод должен быть выполнен на максимально понятном для читателя языке, которым для М. Фотинского является русский.

Требование ясности при переводе библейских книг на российский язык приводит в определенном смысле к упрощению сакрального текста (хотя основной способ перевода, буквальный, также вызывает упрощение). Для описания строгого поста уверовавших ниневитян в книге Ионы автор выбирает простой, но не сниженный тон повествования, употребляя сочетание *одеться мешками* (Иона 3:5) вместо церковнославянского *облечься во вретница*.

Выбор в качестве языка перевода русского языка также позволяет автору реализовать еще одну задачу – приблизить священный текст к читателю. М. Фотинский реализует этот принцип, используя прием культурной модификации: реалии чуждой культуры оригинального текста передаются через аналогии с родной ему культурой.

Рассмотрим следующие примеры из перевода: *какъ шатры татарскіи* (Песн. 1:5), *съ селеніями татарскими* (Пс. 120:5). В оригинальном масоретском тексте использовано слово קָדָר /qēdār/ – «(по значению темнокожий) название потомков Измаила, образовавших народное племя бедуинов и живших в восточной части пустыни между каменистой Аравией и Вавилонией» [Штейнберг, 1878. С. 416]. Септуагинта и церковнославянский перевод следуют масоретскому тексту: ὡς σκηνώματα Κηδάρ (μετὰ τῶν σκηνώματων Κηδάρ); *якоже селенія Кидáрска* (съ селеніи Кидáрскими) соответственно. М. Фотинский же, выбирая первоначальное значение слова, отказывается от «чужих» еврейских этнонимов и подбирает аналогичный, существующий в родной ему культуре вариант *татары*. Таким образом, переводчик переносит библейскую историю в российский контекст, накладывает ее на близкие ему и его читателю события. В некотором роде данный прием нацелен на передачу читателю акронотопичности библей-

ского текста: все события происходят везде и нигде, всегда и сейчас.

Кроме того, идиолект М. Фотинского характеризуется использованием в переводе разнородных языковых явлений, к которым относятся архаизирующие, просторечные и украинские элементы.

Архаизация языка как стилеобразующий феномен достигается с помощью использования церковнославянизмов и употребления собственно архаизмов.

Церковнославянские элементы в тексте перевода М. Фотинского во многом обусловлены обращением переводчика к церковнославянскому тексту по Елизаветинской Библии. Так, переводчик использует для перевода церковнославянские варианты в следующих случаях:

1) употребление церковнославянизма как маркера книжного стиля. Книжные, церковнославянские лексемы явно выделяются в тексте перевода, так как, ощущая их инородность и возможную непонятность для читателя, М. Фотинский старается дополнительно объяснить их значение в комментариях. Например, при переводе *изму его* {*выйму его изъ скорби*}¹ (Пс. 91:15) М. Фотинский следует церковнославянскому тексту, сохраняя книжную форму *изму*. Но в комментарии раскрывает значение церковнославянизма через аналогичную русскую форму *выйму*;

2) использование церковнославянского варианта для семантического разграничения: *бѣжать на Таршишь* {*море называемое*} (Иона 1:3); *насажень Фарсисомъ* {*драгоценный камень*} (Песн. 5:14). Переводчик разделяет два значения полисеманта תַּרְשִׁישׁ /taršîš/, выбирая разные способы их передачи: при переводе имен собственных транскрибирует их с еврейского, а для реалий применяет церковнославянское чтение (*Фарсисъ*);

3) подбор лексических эквивалентов: *в которомъ есть болше ѿ дванадцать темъ челоѵѣка* {*тма значитъ десять тысячъ*} (Иона 4:11). Переводчик использует церковнославянский текст с его языковыми возможностями как источник наиболее точного дословного перевода еврейской лексики רִבּוֹ /ribbō/ ‘десять тысяч’, аналогом ко-

¹ Фигурные скобки используются для обозначения комментариев переводчика.

торой является специализированное церковнославянское слово *тма*.

Собственно архаизмами являются примеры с лексемами *вага*, *важить*, *крылы*: *на вага^х поднимать* (Пс. 62:10), *важилъ стезю гнѣва своего* (Пс. 78:50), *лежали ли вы между предѣлами крыль* (Пс. 68:14). В Словаре русского языка XVIII в. указанные лексемы в соответствующих контекстах значений отмечены как выходящие из употребления [СРЯ XVIII, 1985. С. 247; СРЯ XVIII, 2000. С. 256]. Однако, учитывая украинский колорит, лексема *важить* может быть трактована как украинизм (укр. *важити*), а *крылы* как церковнославянизм, но по отношению к русскому языку исследуемого периода они архаичны.

Заметим, что процесс архаизации мог быть неосознанным для самого переводчика. Архаизирующие языковые элементы в переводе могут объясняться ориентацией на книжную традицию, тем более при переводе такого традиционного текста, как Библия. «В письменной речи эпоха сосуществования форм, как правило, отклоняется “в сторону” традиций, ибо пишущий субъективно ... всегда отдает предпочтение традиционной норме, даже если он не пользуется ею в повседневном диалоге, и никогда не ориентируется на новообразования, даже если они уже закреплены узусом – “обычным” употреблением на уровне устной (а не письменной) речи» [Хабургаев, 1990. С. 25].

Другой языковой особенностью перевода является наличие в тексте просторечных элементов – таких, которые не обладают яркой экспрессией (просторечные), и таких, которые имеют сниженную, грубую экспрессивную окраску (грубо-просторечные) [Лукьянова, 2013. С. 126]. Таким образом, просторечные элементы не имеют стилистической маркированности, в то время как грубо-просторечные лексемы отчетливо маркируются как сниженные.

В тексте перевода регулярно встречается просторечная лексема *ишоль*, тождественная словоформе *шел* – глаголу прошедшего времени, 3-го л., ед. ч, например: *и сискалъ корабль, что ишоль на Таршишь* (Иона 1:3); *что не ишоль въ совѣтъ нечестивых* (Пс. 1:1); {*когда ишоль въ харань*} (Пс. 20).

Форма *ишел* отсутствует в словарях, но зафиксирована в источниках – тексте фольклорной песни: «Я ишѣл, молодец, дорогою», записанной П. В. Киреевским в де-

ревне Зиново Белевского уезда Тульской губернии [Песни..., 1929]. Указанная лексема может быть отнесена к просторечным формам, так как не несет стилиевой нагрузки.

Грубо-просторечные элементы осознаются переводчиком как стилистически маркированные и поэтому никогда не встречаются в самом тексте перевода. Однако в комментариях к библейскому тексту они используются для достижения ясности, максимальной понятности. Так, в комментарии к стиху *покриваетъ сѣдалище {жиром задницу}* (Пс. 73:6) для возвышенного церковнославянского слова *сѣдалище* приводится слово *задница*, которое в Словаре русского языка XVIII в. сопровождается пометой «простое, просторечное».

Заметим, что использование просторечных элементов может быть обусловлено их архаизирующей, консервативной природой.

Одной из самых ярких особенностей языка перевода М. Фотинского являются украинские элементы, или украинизмы, которые представлены на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях.

1. Неразличение гласных звуков [и] / [ы]. В украинском произношении звуки [и] / [ы] совпали в одном звуке, соответствующем русскому [ы]. Следствием этого является хаотичная мена букв **ы** и **и**: *переливаемыи* {*когда переливается*} (Песн. 1:3), *синь* (Пс. 2:7), *пригаеть* (Песн. 2:8), *лысиць* (Песн. 2:15) и проч.

2. Билабиальное произношение согласного [в] в позиции перед согласным. Пример *вѣрую у тебе* (Пс. 40:11 комм.) является скорее исключением, чем правилом, так как обычно в подобных условиях переводчик употребляет предлог *въ* в соответствующем написании: *возрадуется въ трепетѣ* (Пс. 2:12). Но приведенный пример свидетельствует о том, что произносительной нормой для М. Фотинского являлась именно билабиальная артикуляция, которая вкрадлась в письменный текст. Вероятно, фонетический принцип в написании вызван повышенной экспрессивностью данного выражения.

3. Переход **ѣ** в **і**:

а) церковнославянизмы *блудодѣяніе*, *благодѣяніе*, написанные через **і** во втором корне *блудодіяніемъ* (Пс. 106:39 комм.), *благодіяніе* (Пс. 109:5), отражают исторический переход **ѣ** в **і**, типичный для украинского;

б) передача в транскрипции [ĭ] через Ъ при транскрибировании имени собственно-го, например, *энь Гедѣа* (Песн. 1:14) (ср. *ἔν ἡ* /'ēn gédī/).

4. Отсутствие начального гласного [и] в приставке *из-* в соответствии с украинской приставкой *з-*: *враги наши здѣваются* (Пс. 80:7) = 'враги наши издеваются'.

5. Лексические украинизмы: *Сволоки* (Песн. 1:17 комм.) 'балки'², *ланцугами* (Пс. 149:8) 'цепями', *пупяшки* (Песн. 2:13) 'почки', *мрамурные* (Песн. 5:15) 'мраморные', *мурь* (Песн. 8:9) 'стена (каменная или кирпичная)', *ластовица* (Пс. 84:4) 'ласточка' и др.

6. Грамматические украинизмы. Формы *мене, тебе* личных местоимений 1-го, 2-го л., ед. ч. в вин. п. *сищу тебе* (Песн. 8:1) и род. п. *ѡ мене* (Песн. 6:5) в соответствии с украинской падежной системой. Последовательное употребление этих форм на протяжении всего текста перевода демонстрирует системный характер языкового явления. Данные элементы могут быть трактованы также и как церковнославянские, но обилие и системность украинизмов позволяют с большей степенью вероятности отнести подобные грамматические формы к названным явлениям.

Таким образом, лингвистический анализ текста рукописи позволил выявить основные языковые особенности перевода Михаила Фотинского. Выбор переводчиком *российского языка* для перевода священных книг показывает, что русский язык второй половины XVIII в. уже воспринимался как полифункциональный, способный собственными средствами передать сакральный смысл библейских книг и сделать его максимально понятным и близким для потенциального читателя. Несмотря на то что употребление стилистически нейтральных русских лексем в библейском контексте приводит к некоторому упрощению священного повествования (особенно в сопоставлении с традиционным церковнославянским переводом), стилистическая принадлежность переводимого текста выдерживается за счет использования архаичных языковых элементов. Кроме того, для достижения максимальной ясности М. Фотинский использует просторечные, а в

комментариях также и грубо-просторечные лексемы. Украинизмы различных уровней, встречающиеся в переводе, представляют собой яркую особенность идиолекта переводчика; они системны и стилистически нейтральны.

Список литературы

Алексеев А. А. Библия. Переводы на русский язык // Православная энциклопедия: в 25 т. / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная Энциклопедия, 2002. Т. 5.

Верецагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 315 с.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.

Лукьянова Н. А. Термины и понятия лексикологии в схемах, таблицах, пояснениях и образцы анализа слов: Учеб. пособие. Новосибирск, 2013. 134 с.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Под ред. акад. В. Ф. Миллера и проф. М. Н. Сперанского. М.: Об-во любителей рос. словесности при Моск. ун-те, 1911–1929. Вып. 2, ч. 2: Песни необрядовые. 1929. XII, 389 с. URL: <http://febweb.ru/feb/byliny/texts/p22/p2220095.htm>

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М., 1990. 295 с.

Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899.

ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Библейские_переводы/

Словари

Никовський А. Словник українсько-російський. Горно, 1927.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. Ю. С. Сорокина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1, 2; СПб.: Наука, 2000. Вып. 11.

Штейнберг О. Н. Еврейский и Халдейский этимологический словарь к книгам Ветхаго Завета. Вильна, 1878. Т. 1.

² Перевод лексических украинизмов выполнен по [Никовський, 1927].

Источники

НИОР РГБ. Ф. 173/II. № 12 – «Опыт перевода точнаго ветхосвященныхъ книгъ из подлиннаго еврейскаго на российскій, по еврейскому переводу какъ они самы переводятъ, съ приложениемъ некоторыхъ ихъ изъяснений учиненъ наместникомъ иереемъ Михаиломъ Фотинскимъ 1806 года» – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, фонд 173/II, единица хранения 12.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковносла-

вянском языке. М.: Российское Библейское Общество, 2005.

Biblia Hebraica Stuttgartensia. Stuttgart, 1967/77. URL: <http://www.bibelwissenschaft.de/online-bibeln/biblia-hebraica-stuttgartensia-bhs/lesen-im-bibeltext/>

Septuaginta. Stuttgart, 2006. URL: <http://www.bibelwissenschaft.de/online-bibeln/septuaginta-lxx/lesen-im-bibeltext/>

Материал поступил в редколлегию 25.01.2015

K. Yu. Anders

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

christinaanders@yandex.ru

STYLISTICS OF THE OLD TESTAMENT TRANSLATION BY MIKHAIL FOTINSKY

This paper proposes new data to the study of Russian Bible translations history. Traditionally, it is considered that the earliest Russian Bible translations are connected with a Russian Bible Society's activity (1812–1825), but that is shown to be not entirely true. Our investigation introduces the reader to the manuscript called «Опыт перевода точнога ветхосвященныхъ книгъ из подлиннаго еврейскаго на российскій, по еврейскому переводу какъ они самы переводятъ, с приложениемъ некоторыхъ ихъ изъяснений учиненъ наместникомъ иереемъ Михаиломъ Фотинскимъ 1806 года» (*An Attempt in Precise Translation of the Sacred Old Books from True Jewish into Russian, According to the Jewish Translation as They Do It Themselves, with an Addition of Some of Their Explanations, Performed by Vicar Priest Mikhail Fotinskii in Year 1806*) (kept in Russian State Library, Collection of Manuscripts, f. 173.II, 12).

This translation has not been described, studied or published before, and for that reason it remains unknown to most scientists, but the work should be considered the earliest Old Testament translation from Hebrew into Russian.

The article reviews the main stylistic peculiarities of the Mikhail Fotinskii's translation, and describes translator's stylistic conception. In addition, language characteristics are described, such as archaic, vernacular and Ukrainian elements.

The translator's goal was to make his translation from Hebrew. Despite this fact, Mikhail Fotinskii depended on the Bible in Old-Church Slavonic, known as The Elisabeth Bible which is the authorized version of the Russian Orthodox Church. Because of this, there are many Old-Church Slavonic elements in Mikhail Fotinskii's translation which can be interpreted as archaic ones. These components are used for various purposes: 1) Old-Church Slavonic elements as markers of literary style (e.g. comp. *yzmu* Old-Church Slavonic variant – *vyimu* Russian variant); 2) Old-Church Slavonic transcription is used to distinguish different meanings of one polysemant (e.g. comp. *tarshish* 'the name of the place' using Hebrew transcription *tharsis* 'precious stone' using Old-Church Slavonic transcription); 3) Old-Church Slavonic words as equivalents for Hebrew ones (e.g. Old-Church Slavonic *tma* for Hebrew word רבב / *ribbō* / 'ten thousand').

Ukrainian elements are a distinctive feature of Mikhail Fotinskii's idiolect. They are frequently found on phonetic, lexis and grammar levels: characters *ы* and *у* denote the same sound (e.g. writing *sin* instead of *syn*); West Slavic borrowings which are typical for Ukrainian (e.g. *lantsugi* 'chain' from Polish *łańcuch*); alignment of genitive and accusative forms of personal pronouns

into *mene*, *tebe* instead of *menya*, *tebya* typical for Russian, etc. In addition, the translator used some vernacular words though only in his commentaries and not in the translation text. These elements helped Mikhail Fotinskii to make his translation clear and understandable.

In conclusion it may be said that Mikhail Fotinskii's Old Testament translation is made into Russian language, but his idiolect is characterized by mixing of various types of language elements: Russian, Old-Church Slavonic and Ukrainian ones.

Keywords: stylistics, translation, Bible, Russian language history, Biblical Hebrew, Old Church Slavonic.

References

Alekseev A. A. Bibliya. Perevody na russkii yazyk [The Bible: Russian Translations]. *Pravoslavnaia entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]: In 25 vol. Patriarkh Moskovskii i vseya Rusi Kirill (Ed.). Moscow, Pravoslavnaia Entsiklopediya, 2002, vol. 5.

Vereshagin E. M. Istoriya vzniknoveniya drevnego obshchoslavianskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov [Genesis of Old Common Slavic Literary Language. Cyril, Methodius and Their Students as Translators]. Moscow, Martis, 1997, 315 p.

Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [Language and Culture in XVIII Century Russia]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1996, 591 p.

Luk'yanova N. A. Terminy i ponyatiya leksikologii v shemakh, tablitsakh, poyasneniyakh i obraztsy analiza slov: Ucheb. posobie [Terms and Concepts of Lexicology in Schemes, Tables, Comments, and Examples of Word Analysis: A Textbook]. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi universitet, 2013, 134 p.

Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim. Novaya seriya [Songs Collected by P. V. Kireevskii]. Akad. V. F. Miller i prof. M. N. Speranskii (Eds.). Moscow, Obschestvo lyubitelei ross. slovesnosti pri Mosk. un-te, 1911–1929, vol. II, part 2: Pesni neobryadovye [Non-Ritual Songs]. 1929. XII, 389 p. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/p22/p2220095.htm>.

Haburgaev G. A. Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka: Imena [Essays on Historical Morphology of Russian Language: Nouns]. Moscow, 1990, 295 p.

Chistovich I. A. Istoriya perevoda Biblii na russkii yazyk [History of Russian Translations of the Bible]. Saint-Petersburg, 1899.

ESBE – Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brokgauz and Efron's Encyclopedia]. Saint-Petersburg, 1890–1907. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Библейские_переводы/

Dictionaries

Nikovs'kii A. Slovník ukraïns'ko-rosiis'kii [Ukrainian-Russian Dictionary]. Gorno, 1927.

SRYa XVIII – Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Vocabulary of XVIII Century Russian Language]. Yu. S. Sorokin (Ed.). Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie, 1984–1991, vol. 1, 2; Saint-Petersburg, Nauka, 2000, vol. 11.

Shteinberg O. N. Evreiskii i Haldeiskii etimologicheskii slovar' k knigam Vethago Zaveta [Jewish and Chaldee Etymological Dictionary for Old Testament Books]. Vil'na, 1878, vol. 1.